

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

АГАТА

Зинаида Гиппиус

Агата

«Public Domain»

1936

Гиппиус З. Н.

Агата / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1936

«— А что, паныч, — обернулся Грицько с козел к Вадиму, — чи ведьми у Киеви сидят, аль и в других местах открываются? Вадим поднял брови, черные и густые, как у отца, засмеялся.— Какие ведьмы? Нигде никаких ведьм нет. Ты лучше смотри, Хмара у тебя подкову сейчас потеряет...»

© Гиппиус З. Н., 1936

© Public Domain, 1936

Зинаида Гиппиус

Агата

– А что, паныч, – обернулся Грицько с козел к Вадиму, – чи ведьми у Киеви сидят, аль и в других местах открываються?

Вадим поднял брови, черные и густые, как у отца, засмеялся.

– Какие ведьмы? Нигде никаких ведьм нет. Ты лучше смотри, Хмара у тебя подкову сейчас потеряет.

Грицько наклонился, взглянул на пристяжную, недовольно шмыгнул носом и ничего не ответил. О подкове Вадим сказал так себе. На станции довольно наговорился с Грицько; теперь, в блаженном состоянии, хотелось ему молчать; даже не думал ни о чем, просто был счастлив: от весенних полей этих, от мягкого стука колес по знакомому проселку, от золота неба вечернего. Если разобрать, то от многого и другого еще, – оттого, что в пятый класс перешел первым, оттого, что на целое лето едет в милую Филевку, оттого, что сейчас увидит отца... Но он не разбирал, все сошлось вместе, слилось в одно счастье.

А вот и гусиный пруд с двумя старыми ветлами. Грицько подогнал, завернули во двор шибко, да Вадим на ходу выскочил и побежал на крыльцо.

Разахалась старая Устинья, поправляя лиловый очипок, – Вадим ее первую встретил и, от счастья, не мог не обнять и не чмокнуть, куда попало: «Да глядите ж! паныч-то какой большой!». Отец стоял на пороге в кабинете, знакомым жестом приглаживая пышные, совсем белые, волосы. Тоже удивился: «Да, выгнало тебя. Почти с меня ростом. Тебе пятнадцатый?».

Вадим щедро обнимался с домочадцами, чуть не поцеловал вечно угрюмого, хмурого лакея Тихона, – впрочем, этот «пессимист», как он сам себя называл, был его главный приятель. Прибежала, запыхавшись, тетя Пратя; Вадим, когда она обнимала его, удивился: какая маленькая!

– Ну, пойдем, дылда, там тебе готово, наверху, умойся с дороги, – хлопотала тетя Пратя, подбирая серый капот, чтоб не запнуться на узкой лесенке в мезонине.

– А Маниа и Миля где же? – спросил Вадим.

– Гуляют девочки. Мы ведь не знали, когда ты... Третий раз Грицьку посылаем. Гуляют.

– С мадам Лежье? – улыбнулся Вадим, вспомнив бархатную кофту и начесы старой гувернантки, злющей. Ей, прошлым летом, Вадим всякие штуки подстраивал, к восторгу Мани и Миля, десятилетних своих сестер-близнецов.

– Хватился! Ее – давно духу нет. Злая, говорили... так что ж, добрые-то, иной раз... пойми их, – странно прибавила тетя Пратя, сжав губы. – Ну, все есть? Сундучок твой принес Тихон. Мойся. Ужинать будем. К ужину вернутся девочки. Тоже выросли, – не узнаешь. К ужину утка будет холодная, варенец твой любимый, с пенками, с черными. А ягод нет еще, да скоро будут. Клубники на грядках много нынче...

Вадим остался один. В этой знакомой, родной комнате, просторной, с низковатым потолком, где он знал каждое пятнышко на обоях, где пахло отцветающей сиренью из двери на крошечный балкон, – тихое его блаженство стало еще тише и упоительнее.

Он вышел на балкон. Сквозь деревья видна зеленая поляна, спуск к «сажалке»: ее и купальни не видно за тополями. Острые тополя эти рядами поднимаются и к усадьбе; за ними, влево, фруктовый сад. Вадиму не хочется сейчас все это обегать, убедиться, что оно осталось на своих местах; успеется, сейчас ему и так хорошо; «до сна» хорошо, как он говорил маленький, когда было уж очень хорошо: ему снились удивительные, необыкновенные сны, о которых он и не пытался рассказывать. Только знал про них, а рассказать нельзя, – другое. Он и говорил просто о чем-нибудь наяву хорошо: «До сна хорошо» (или «почти до сна»).

Так было ему, в этот вечер, хорошо – почти «до сна».

Но сумерки близко. Внизу, на круглом балконе, голоса, звяканье посуды. Ужин. Быстро приведя себя в порядок (Вадя мальчик аккуратный и любит, чтобы гимназическая блуза его была свежа и ловко сидела) – пошел вниз.

Топот детских ног. «Вадя! Вадя!». Две смуглые, стриженные девочки целуют и тормозят его. Наперерыв что-то спрашивают, что-то рассказывают, – ничего нельзя понять. С ними обеими Вадим и вошел на круглый балкон, где собирались ужинать. Стол накрыт, но никого еще не было. Впрочем, нет: у перил стояла высокая барышня в белом платье с короткими пышными рукавами. Две темные толстые косы перекинута вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.